

Лев Толстой: «МЕРАМИ НАСИЛИЯ МОЖНО УГНЕТАТЬ НАРОД, НО НЕЛЬЗЯ УПРАВЛЯТЬ ИМ»

Архив

ЛЮБЕЗНЫЙ БРАТ. Такое обращение я счел наиболее уместным, потому что обращаюсь к Вам в этом письме не столько как к Царю, сколько как к человеку-брату. Кроме того, еще и потому, что пишу Вам как бы с того света, находясь в ожидании близкой смерти.

Мне не хотелось умереть, не сказав Вам того, что я думаю о Вашей теперешней деятельности и о том, какою она могла бы быть, какое большое благо она могла бы принести миллионам людей и Вам, и какое большое зло она может принести людям и Вам, если будет продолжаться в том же направлении, в котором идет теперь.

Третью России находится в положении усиленной охраны, т.е. вне закона, армия полицейских — явных и тайных — все увеличивается, тюрьмы, места ссылки и каторги переполнены сверх сотен тысяч уголовных — политическими, к которым причисляют теперь и рабочих. Цензура дошла до нелепостей запретов, до которых она не доходила в худшее время 40-х годов, религиозные гонения никогда не были столь часты и жестоки, как теперь, и становятся все жесточе и жесточе и чаще; везде в городах и фабричных центрах сосредоточены войска и высылаются с боевыми патронами против народа; во многих местах уже были братоубийственные кровопролития и везде готовятся и неизбежно будут новые и еще более жестокие. <...>

Ведь вы не можете не знать того, что с тех пор, как нам известна жизнь людей, формы жизни ее, как экономические и общественные, так религиозные и политические, постоянно изменялись, переходя от более грубых, жестоких и неразумных к более мягким, человечным и разумным.

Ваши советники говорят Вам, что это неправда, что русскому народу как было свойственно когда-то православие и самодержавие, так оно свойственно ему и теперь, и будет свойственно до конца дней, и что поэтому для блага русского народа надо во что бы то ни стало поддерживать эти две связанные между собою формы: религиозного верования и политического устройства. Но ведь это двойная неправда. Во-первых, никак нельзя сказать, чтобы православие, которое когда-то было свойственно русскому народу, было свойственно ему и теперь. Из отчетов обер-

Ровно 90 лет назад, когда случилось истинно русское «Кровавое воскресенье», Родина вошла в эру до сего дня не оконченного кризиса. Другая, опять же посконная наша черта: крепость задним умом, плач по волосам с потерянной головы. А надо-то было лишь прислушаться к мнению лучших умов России, отнюдь не партийцев. Голоса Витте, Менделеева, Вернадского, Струве и многих других не были услышаны, видимо, только ради нерушимости самодержавного принципа.

Предлагаемый вашему вниманию эпистолярный — одно из свидетельств российского фатума. Бывший офицер, покоритель Кавказа, чье имя еще сохранилось и в чеченской топонимике (Толстой Юрт), участник Севастопольской обороны на старости лет не выдержал и написал письмо Николаю II. Текст, на мой дилетантский взгляд, интересен и поучителен не его содержательной стороной. По определению Бердяева, Лев Николаевич был народником не в самом плохом смысле этого определения. Впрочем, он и сам не абсолютизировал свою позицию. В отличие от наших фракционеров-агров, воспринявших из толстовского учения единственное — национализацию земли. Конечно, будет так, как будет. Но имеющему уши должно слушать и слышать.

Евгений АЛЕКСАНДРОВ

прокурора синода Вы можете видеть, что наиболее духовно развитые люди народа, несмотря на все невзгоды и опасности, которым они подвергаются, отступая от православия, с каждым годом все больше и больше переходят в так называемые секты. Во-вторых, если справедливо то, что народу свойственно православие, то незачем так усиленно поддерживать эту форму верования и с такою жестокостью преследовать тех, которые отрицают ее.

Что же касается самодержавия, то оно точно так же, если и было свойственно русскому народу, когда народ этот еще верил, что Царь — непогрешимый земной Бог, и сам один управляет народом, то далеко уже не свойственно ему теперь, когда все знают, или как только немного образовываются, узнают — во-первых, то, что хороший Царь есть только «un heureux hasard» (счастливая случайность. — Е.А.), а что Цари могут быть и бывали и изверги, и безумцы, как Иоанн IV или Павел, а во-вторых, то, что какой бы он ни был хороший, никак не может управлять сам 130-миллионным народом, а управляют народом приближенные Царя, заботящиеся больше всего о своем положении, а не о благе народа. Вы скажете: царь может выбирать себе в помощники людей бескорыстных и хороших. К несчастью, Царь не может этого делать потому, что он знает только несколько десятков людей, случайно или разными происками приближившихся к нему и старательно загораживающих от него всех тех, которые могли бы заместить их...

Самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в центральной Африке, отдаленной от всего мира, но не требованиям русского народа, который все более и более просвещается общим всему миру просвещением. И потому поддерживать эту

форму правления и связанное с нею православие можно только — как это и делается теперь — посредством всякого насилия: усиленной охраны, административных ссылок, казней, религиозных гонений, запрещения книг, газет, извращения воспитания и вообще всякого рода дурных и жестоких дел. <...>

Мерами насилия можно угнетать народ, но нельзя управлять им. Единственное средство в наше время, чтобы действительно управлять народом, только в том, чтобы, став во главе движения народа от зла к добру, от мрака к свету, вести его к достижению ближайших к этому движению целей. Для того же, чтобы быть в состоянии сделать это, нужно прежде всего дать народу возможность высказать свои желания и нужды, и, выслушав эти желания и нужды, исполнить те из них, которые будут отвечать требованиям не одного класса или сословия, а большинству его, массе рабочего народа.

И те желания, которые выскажет теперь русский народ, если ему будет дана возможность это сделать, по моему мнению, будут следующие.

Прежде всего рабочий народ скажет, что желает избавиться от тех исключительных законов, которые ставят его в положение пария, не пользующегося правами всех остальных граждан; потом скажет, что он хочет свободы передвижения, свободы обучения и свободы исповедания веры, свойственной его духовным потребностям, и, главное, весь 100-миллионный народ в один голос скажет, что он желает свободы пользования землей, т.е. уничтожения права земельной собственности.

И вот это-то уничтожение права земельной собственности и есть, по моему мнению, та ближайшая цель, достижение которой должно сделать в наше время своей задачей

русское правительство.

В каждый период жизни человечества есть соответствующая времени ближайшая ступень осуществления лучших форм жизни, к которой оно стремится. Пятьдесят лет тому назад такой ближайшей ступенью было для России уничтожение рабства. В наше время такая ступень есть освобождение рабочих мест от того меньшинства, которое властвует над ними, то, что называется рабочим вопросом.

В Западной Европе достижению этой цели считается возможным через передачу заводов и фабрик в общее пользование рабочих. Верно ли или неверно такое разрешение вопроса и достижимо ли оно или нет для западных народов — оно очевидно не применимо к России, какова она теперь. В России, где огромная часть населения живет на земле и находится в полной зависимости от крупных землевладельцев, освобождение рабочих, очевидно, не может быть достигнуто переходом фабрик и заводов в общее пользование. Для русского народа такое освобождение может быть достигнуто только уничтожением земельной собственности и признанием земли общим достоянием, тем самым, что уже с давних пор составляет задушевное желание русского народа, и осуществления чего он все еще ожидает от русского правительства.

Я лично думаю, что в наше время земельная собственность есть столь же вопиющая и очевидная несправедливость, какою было крепостное право 50 лет назад. Думаю, что уничтожение ее поставит русский народ на высокую степень независимости, благоденствия и довольства. Думаю тоже, что эта мера несомненно уничтожит все то социалистическое и революционное раздражение, которое теперь разгорается среди рабочих и грозит величайшей опасностью и народу, и правительству.

Но я могу ошибаться, и решение

этого вопроса в ту или другую сторону может быть дано опять-таки только самим народом, если он будет иметь возможность высказаться. Так что во всяком случае первое дело, которое теперь предстоит правительству, — это уничтожение того гнета, который мешает народу высказать свои желания и нужды. Нельзя делать добро человеку, которому мы завяжем рот, чтобы не слышать того, чего он желает для своего блага. Только узнав желания и нужды всего народа или большинства его, можно управлять народом и сделать ему добро.

Любезный брат, у Вас только одна жизнь в этом мире, и Вы можете мучительно потратить ее на тщетные попытки остановки установленного Богом движения человечества от зла к добру, мрака к свету, и можете, вникнув в нужды и желания народа, и посвятив свою жизнь исполнению их, спокойно и радостно провести ее в служении Богу и людям.

Как ни велика Ваша ответственность за те годы Вашего царствования, во время которых Вы можете сделать много доброго и много злого, но еще больше Ваша ответственность перед Богом, за Вашу жизнь здесь, от которой зависит Ваша вечная жизнь, и которую Бог дал Вам не для того, чтобы предписывать всякого рода злые дела или хотя участвовать в них и допускать их, а для того, чтобы исполнять Его волю. Воля же Его в том, чтобы делать не зло, а добро людям.

Подумайте об этом, не перед людьми, а перед Богом, и сделайте то, что Вам скажет Бог, т.е. Ваша совесть. И не смущайтесь теми препятствиями, которые Вы встретите, если вступите на новый путь жизни. Препятствия эти уничтожатся сами собой, и Вы не заметите их, если только то, что Вы будете делать, Вы будете делать не для славы людской, а для своей души, т.е. для Бога.

Простите меня, если я нечаянно оскорбил или огорчил Вас тем, что написал в этом письме. Руководило мною только желание блага русскому народу и Вам. Достиг ли я этого — решит будущее, которого я, по всем вероятностям, не увижу. Я сделал то, что считал своим долгом.

Истинно желающий Вам истинного блага,

брат Ваш Лев Толстой.
16 января 1902 г.
«Былое», 1917, № 1.